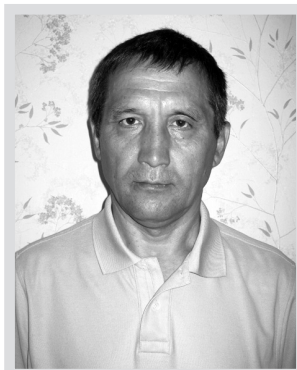

УДК 111

Становление повседневности постсоветской России в зеркале конструкторов коммуникативного пространства

Хазиев А.Х.

Кандидат философских наук, доцент
Казанского (Приволжского) федерального университета

Клюшина Е.В.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии
Казанского государственного энергетического университета

Статья посвящена становлению повседневности в постсоветской России. На этом уровне бытия человек обретает подлинную идентичность. Конструкторы обыденной коммуникации сигнализируют об особенностях противоречивого формирования новейшей истории.

Ключевые слова: повседневность постсоветской Россия, коммуникативное пространство, конструкторы коммуникативного пространства, «новый русский», «совок», лицо кавказской национальности.

В конце XX столетия в России сложилась ситуация, способствовавшая беспощадной критике всего накопленного с октября 1917 г. социального опыта. «Так жить нельзя!» – вот максима того времени, утвердившаяся в сознании не только «верхов», но и «низов». Отождествление прожитого с движением в «никуда» позволило властям принять политическое решение о переходе на «столбовую дорогу человеческой цивилизации», т.е. «пустить» страну по западному пути развития.

В результате осуществления кардинальных преобразований во всех сферах жизни общества в России стала укореняться отличная от социалистического прошлого повседневность – тот уровень бытия, где – по утверждению Б. Вальденфельса – человек обретает «плоть и кровь» [1, с. 46]. И здесь возникает множество вопросов. Какой же тогда «плоти и крови» постсоветский россиянин? Что его волнует, и к чему он стремится? Насколько успешно обретается страной новой идентичности? Ответы в значительной степени может дать исследование конструкторов повседневного коммуникативного пространства. Будем помнить, что человек есть существо, «самость» которого формируется в его об-

щении с ему подобными, а важнейшей формой выражения его «Я» является язык.

История постсоветской России насчитывает, без малого, четверть века. С точки зрения продвижения к намеченным целям в ней можно выделить различные этапы [см. об этом, напр.: 2]. Очевидно, что это время – время и противоречивого становления новой повседневности. Соответствие этой повседневности стратегической линии, определенной Конституцией 1993 г., зависело от многих факторов. Наиболее решающими, на наш взгляд, были следующие: а) новая геополитическая картина мира, сложившаяся в результате распада СССР и содружества социалистических стран; б) образование на постсоветском пространстве суверенных государств; в) «великое переселение народов» в результате распада СССР, которое коснулось, прежде всего, России; г) рост этнического самосознания народов бывшего союза; д) разрыв возникших за годы советского существования социальных связей и, как следствие, увеличение количества неуправляемых процессов во всех сферах жизни российского общества; е) сопротивление «пережитков» уходящего в прошлое социализма.

Сложное переплетение указанных факторов затрудняет включение их в некую иерархию, но, несмотря ни на что, они определяли (и продолжают определять) формы и содержание постсоветской российской повседневности, которые, в свою очередь, влияли и влияют на становление конструктов коммуникативного пространства.

Здесь, если следовать хронологии возникновения, следовало бы указать прежде всего на два наиболее ярких конструкта – «совок» и «новый русский». Думается, что их взаимодействие между собой детерминировало содержание, характер и границы повседневного коммуникативного пространства, по крайней мере, в 90-е гг. XX столетия.

За первым конструктом – человек, жизненные ритмы которого в целом «предзаданы» советской повседневностью. Основными социализирующими факторами этой повседневности были: а) искренняя вера в коммунистические идеалы и гордость за Советский Союз; б) «работа на государство» (как правило, долгие годы на одном предприятии) и, как следствие, в) отсутствие навыков предпринимательства, неумение вне государственных форм организовать экономическую основу своей жизни; г) отношение к деньгам как средству, а не как к цели жизни и потому негативное восприятие любой иной позиции¹.

Разумеется, что такой человек не желал и не мог принять новые реалии жизни, и потому коммуникативное пространство его повседневного бытия строилось вполне предсказуемо. В нем особой, «выделенной точкой» является ностальгия по уходящей и ненависть к новой России. Бытие «совка», находящегося между взаимоисключающими мирами, трагично, а пространство его повседневной коммуникации разорвано. Думы о былом и сопротивление утверждению новых социальных порядков включают «совка» в электорат оппозиции власть предержащим. И, что не менее интересно и важно, значительная часть повседневной коммуникации выводит его в иную реальность – виртуальную. В актуальном социальном мире он превращается в «чужака». Возможно, в этом и заключается причина того, что немалая часть представителей данной группы населения вытеснялась не только в пространство маргинальной коммуникации, но и нередко пополняла коммуникативное пространство деклассированных элементов общества, так называемого «дна» постсоветской России.

Для «лихих 90-х» XX в. такая тенденция была особенно характерной. Представители интеллектуальных, «интеллигентных» профессий, высококвалифицированные рабочие, как, впрочем, и простые домохозяйки были вынуждены войти в круг

непривычной для них повседневности – заниматься посредническими операциями. В основном это была торговля дефицитными товарами (а в разряд дефицита тогда подпадало практически все: промышленные и продуктовые изделия), нажитым имуществом. Большинство из них оказывалось в ситуации вынужденных переселенцев, чувствовало себя в «не своей тарелке», в лучшем случае – гостем в чужом доме. Кому-то удавалось стать «своим среди когда-то чужих» и сблизиться с ними так, что в обиход россиян вошло слово «оборотень». Им стали обозначать тех, кто, прикрываясь статусом государственного служащего, предал интересы государства и встал на путь криминала. Хотя с этим словом соотносили главным образом представителей правоохранительных органов, по существу оно отражало более широкий круг людей, представляющих все слои российского общества – от самого низа до самого верха. И, как результат, не поделившись с «крышей», без «отката благодетелям» стало невозможно сделать и шагу в любой сфере повседневного бытия. Россия погрузилась в перманентную антикоррупционную войну, которую нередко возглавляли те же самые «оборотни».

«Новый русский» – полный антипод «совка». Пожалуй, именно он – герой нашего времени. В его «Я» доминируют ценности, позволяющие провести аналогию между ним и человеком эпохи Возрождения: они оба руководствуются принципом, согласно которому «человек – кузнец своего счастья». Он инициативен, полагается главным образом на себя и несет полную ответственность за свое собственное благополучие [см. об этом, напр.: 4]. Природой «нового русского» определяется весь образ его жизни, в том числе и характер, содержание, границы повседневной коммуникации.

Вопросом жизни и смерти для нашего персонажа является материальный и финансовый успех, чем и объясняется преобладание в его лексике слов и выражений, отражающих экономическую сферу общества. Благодаря «новому русскому» словарный запас постсоветского россиянина пополнился такими понятиями как «челнок», «чартерный рейс», «бартер» и т.п. Ведь именно он первым ринулся осваивать радикально изменившиеся в 90-е гг. прошлого столетия просторы геополитического пространства.

Своей неумной энергией «новый русский» способствовал укоренению в обиходе россиян заграничного паспорта, после чего поездки за пределы России стали для многих наших граждан обычным делом. Это отразилось на постсоветской российской повседневности: помимо дач, садовых товариществ – привычных элементов бытия советского человека – в жизни современного россиянина появились коттеджи, загородные виллы, элитные поселения, а так же бутики, супермаркеты. И все это не в виде исключения (в центральной части страны, городах-

¹ Иная позиция (воспитанная постсоветской повседневностью) представлена, например, в диалоге главных героев культового фильма А. Балабанова «Брат-2». На вопрос младшего брата: «В чем сила, брат?», старший отвечает: «В деньгах!...Всех куплю!».

миллионниках), а становясь типичным явлением, обращившись повседневно².

Однако бытие «нового русского» по определению противоречиво, а его фигура неоднозначна. Дело в том, что целый ряд факторов (среди них, в частности, политико-правовые и морально-этические лакуны, образовавшиеся в результате разрыва существовавших социальных связей) способствовал вырождению части представителей главного героя постсоветской российской повседневности в людей, способных переступить любые общественные нормы поведения. А потому и на их совести, например, ответственность за попытку криминального передела России. При активнейшем содействии «нового русского» в повседневность россиян прочно и надолго вошли слова и выражения уголовного жаргона, что, безусловно, дискредитировало его в глазах общественности.

Действительно, если главное «срубить бабло», а не заработать деньги, если вся мощь интеллекта и воля направлены на то, чтобы, устроив «лохотрон» посредством различного рода мошеннических схем, «кинуть» или «заказать» конкурента, то трудно уйти от сравнения с небезызвестным «хамом» Д. Мережковского [3, с. 468-476]. Не спасали сложившуюся ситуацию даже впечатляющие финансовые достижения: стань хоть олигархом и ходи во всем от куртюр, а как был «не мыт и не чесан», в глазах народа таким и останешься³. Указанные изменения в повседневной лексике говорят о фундаментальных сдвигах в обыденной жизни россиян. И главное, на наш взгляд, связано с изменением отношения к труду. При социализме – при прочих нюансах – труд в глазах подавляющего большинства населения – ценность, вокруг которой строится вся жизнь человека. В новых реалиях отношение к труду можно было бы выразить скорее известной русской поговоркой о том, что праведным трудом палат каменных не построить. И потому труд упорный, тяжелый, изо дня в день – не для современного россиянина. «Здесь, сейчас, много и легко» – вот принцип, активно пропагандируемый в постсоветской России и внедряющийся в сознание молодого поколения.

Будучи живым организмом, язык реагирует на изменившуюся повседневность самым различным образом, в частности, изменениями в лексике. Это касается и рассматриваемых нами конструктов «совок» и «новый русский». От частого употребления они «затерлись», «потемнели» и сами стали элемен-

² Хотя бы выражение 90-х гг. прошлого века «поле чудес» отражало, на наш взгляд, именно этот феномен.

³ В этой связи примечательный момент: в повседневное коммуникативное пространство новоявленного ХАМА вовлеклись все более широкие слои населения и по «фене» заговорили даже в высших эшелонах власти. Вспомним, как один крупный российский политик обещал «мочить в сортире» террористов, а другой, чтобы чувствовать себя в безопасности, призывал «делиться» нажитым богатством.

тами новой повседневности. Кроме того, произошли значительные изменения в употреблении и самом значении этих конструктов. Для обозначения самостоятельных и противостоящих друг другу (как это было в первые годы новейшей российской истории) социальных феноменов они практически перестали использоваться. Сегодня «совок» – это чаще нечто остаточное в современном россияне как «новом русском». Причем это остаточное есть не только и не столько от социалистического прошлого, сколько то ментальное, что воспроизводится перманентно, несмотря на все усилия выкорчевать его «с корнем».

Россия во все времена была мультиэтническим государственным образованием и всегда нуждалась в гармонизации отношений между населяющими ее народами. Конечно, представления о гармонии от эпохи к эпохе меняются, и время вносит свои коррективы. Так было, например, после октябрьской революции 1917 г. Большевики, посчитав, что от решения национального вопроса зависит коммунистическое будущее страны, предложили и воплотили в жизнь свой план. Он, по их мнению, был соотносим с остротой ситуации, сложившейся к тому времени в России⁴.

Радикальные изменения, произошедшие на рубеже XX–XXI столетий в этой сфере социального бытия, способствовали возникновению новых конструктов в пространстве межэтнической повседневности. Особенности этих конструктов зависели не только от глубины перемен, но и от способов их реализации. Как известно, национальная структура многих регионов России менялась, во-первых, лавинообразно (сразу после распада СССР), во-вторых, в некоторых регионах страны заметно увеличилась численность некоренных для данной местности этносов [см. об этом, напр.: 5]. Все это возбуждало небывалую напряженность в межэтнических отношениях, которые, в конечном итоге, раскололись по линии «свои – чужие». Причем для обозначения «чужих» стали использовать собирательный расистский конструкт «лицо кавказской национальности». Оно раскололо межэтническое пространство России довольно своеобразно: включив в себя всех людей с явно неславянской внешностью, в том числе и самих славян, противопоставило их людям со славянскими чертами, в том числе и неславянам. Сегодня это выражение используется все реже. Вместо него в оборот входит еще более расистское слово «черные», которым обозначают всех лиц неславянской внешности.

Заметной тенденцией межнациональных отношений в постсоветской России стал перевод этни-

⁴ Представление о характере повседневности межэтнических отношений в России в начале XX в. можно получить, например, по работам В.И. Ленина. Так, в работе «К вопросу о национальностях или об «автономизации» он писал, что поляка в России называют не иначе как «полячишка», татарина – не иначе как «князь», украинца – не иначе как «хохол», грузина иначе как «кавказский человек» и не назовут.

ческих проблем в русло конфессиональных. В ее основе активизация религиозного фактора вообще и исламского в частности в повседневной жизни россиян. Как известно, сепаратистские движения в ряде регионов нашей страны (в Чечне, Дагестане) имели и религиозное прикрытие. Усилил эту тенденцию феномен терроризма, который стал почти обыденным в нашей жизни. И еще один момент: перевод этнических проблем в русло конфессиональных разрывает не только межэтническое, но и внутриэтническое пространство. Об этом свидетельствует не только опыт Северного Кавказа, но и опыт других регионов России, в том числе Татарстана. Мы имеем в виду следующее: в обиходе населения все чаще используется слово «ваххабит». В повседневной жизни оно отражает не столько особую религиозную позицию, сколько акцентирует внимание на внешнем виде человека (борода, особенная одежда), образе его жизни (выпячивание человеком неприятия господствующих в обществе стереотипов поведения, ценностей). Но важнее другое – слово это адресуется не только представителям чужих, но и своих народов. Тем самым проблема национального единства начинает подменяться единством религиозным, что демонстрирует иное качество межэтнического пространства и обязательно востребует иных конструктов коммуникации в нем.

Итак, проведенное авторами исследование позволяет сделать следующие выводы:

– становление повседневности постсоветской России подчиняется общесоциологическим закономерностям и начинается как борьба старого с новым, отживающего с нарождающимся. В первые годы новейшей истории России эти процессы наиболее адекватно отражаются в противоречивом взаимодействии таких конструктов коммуникативного пространства, как «совок» и «новый русский»;

– особое значение в постсоветской истории нашей страны приобрела коммуникация в простран-

стве межэтнической повседневности. Конструкты «лицо кавказской национальности», «черные» говорят о расколотости этого пространства по линии «свои – чужие», где последние – враги; причем, неприятие одних другими обусловлено расовыми мотивами;

– изменения в употреблении указанных и появление новых конструктов коммуникации демонстрируют явные подвижки, происходящие в повседневной жизни россиян; следовательно, постсоветская Россия находится лишь на начальном этапе движения к намеченным стратегически целям.

Литература:

1. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигель рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. – М.: Прогресс, 1991. – 480 с.
2. Темницкий А.Л. Социологические подходы к периодизации истории постсоветской России // Социологические образы России: трансформирующееся общество в историко-социологической перспективе. – СПб.: Социополис, 2006. – С. 3-27.
3. Шаммазова Е.Ю., Хазиев А.Х. «Новый русский» как образец достижения целостности в современных условиях // Материалы международной научно-практической конференции «Многомерность и целостность человека в философии, науке, религии» 20-21 апреля 2012 г. – Казань, 2012 – С. 353-355.
4. Мережковский Д. Грядущий хам // Собрание сочинений. – М.: Республика, 2004. – 477 с.
5. Вендина О. Миграционная ситуация в регионах России. Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация. – М., 2005. – 88 с.

Routine of Post-soviet Russia in the Light of Constructs of Communication Space

A.Kh. Khaziev

Kazan (Volga Region) Federal University

E.V. Klyushina

The Kazan State Power University

The paper addresses the formation of social space in post-soviet Russia. The authors of the article believe that genuine identity is required on the level of every-day existence and constructs of routine communication are the indicators of changes. It can explain the attention paid to reconstruction and interpretation of communication constructs revealing contradictory formation of contemporary history of the country.

Key words: routine of post-soviet Russia, communication space, constructs of communication space, “New Russian”, “sovok”, “a person from the Caucasus”.